

11. *Eco U.* Semiotics and the philosophy of language. Bloomington, 1984.
12. *Shapiro M.* The sense of grammar: language as semiotic. Bloomington, 1983.
13. *Luhmann N.* Zweckbegriff und Systemrationalität. Frankfurt am Main, 1973.
14. *Schweizer H.* Sprache und Systemtheorie. Tübingen, 1979.
15. *Лурия А. П.* Основные проблемы нейролингвистики. М., 1975.
16. Language universals / Ed. by Seiler H. Tübingen, 1978.
17. *Seiler H.* The Cologne project on language universals // Seiler H. Language universals, Tübingen, 1978.
18. van den Boom H. Zum Verhältnis von Logik und Linguistik in Bezug auf UNITYP-Grundätze // Arbeiten Kölner Univer. alien-Projekt. 1983. 52.
19. *Dressler W.* Morphology. Ann Arbor, 1985.
20. *Dressler W.* Semiotische Grundlagen einer Theorie der Natürlichen Phonologie und Morphologie // Semiotica Austriaca / Ed. Bernard J. Wien, 1987.
21. *Дресслер В.* Об объяснительной силе естественной морфологии // ВЯ. 1986. № 5.
22. *Dressler W., Mayerthaler W., Panagl O., Wurzel W.* Leitmotifs in natural morphology. Amsterdam, 1987.
23. *Dressler W. Barbaresi M.* Marked and unmarked discourse // Societas Linguistica Europaea Meeting. Ohrid, 1986.
24. *Beaugrande R. de, Dressler W.* Einführung in die Textlinguistik. Tübingen, 1981.
25. *Dressler W., Barbaresi M.* Elements of morphopragmatics. Duisburg, 1987.
26. *Givón T.* On understanding grammar. N. Y., 1979.
27. *Lindblom B.* On the teleological nature of speech processes // Speech communication. 1983. 2.
28. *Ohala J.* The phonological aim justifies any means // PICL. 1983, 13.
29. Kommunikationstheoretische Grundlagen des Sprachwandels / Hrg. von Lüdtke H. B., 1980.
30. *Woodfield A.* Teleology. L., 1976.
31. *Wright L.* Teleological explanations: an etiological analysis of goals and functions. Berkeley, 1976.
32. *van Parijs Ph.* Evolutionary explanation in the social sciences: an emerging paradigm. L., 1981.
33. *Sanders G. A.* Functional constraints on grammar // Studies for J. Greenberg. I / Ed. by Juilland A. Saratoga, 1977. P. 133.
34. *Campbell L., Ringen J.* Teleology and the explanation of sound change // Phonologica. 1980.
35. *Wurzel W. U.* Sprachsystem und Dialektik // Z. für Phonetik und Kommunikationswissenschaften. 1980. 33.
36. *Wurzel W. U.* Dialektischer Determinismus und Sprachsystem // Deutsche Zeitschrift für Philosophie. 1981. 29.
37. *Donegan P., Stampe D.* The study of natural phonology // Current approaches to phonological theory // Ed. by Dinnsen D. Bloomington, 1979.
38. *Dressler W.* Explaining natural phonology // Phonology yearbook. 1984. 1.
39. *Wurzel W. U.* Flexionsmorphologie und Natürlichkeit. B., 1984.
40. *Koij L.* The principle of transparency and semantic antinomies // Semiotics in Poland / Ed. by Telc J. Dordrecht, 1979.
41. *Langacker R. W.* The Cognitive perspective. Duisburg. 1988.
42. *Szymanek B.* Categories and categorization in morphology. Lublin, 1988.

Перевела с немецкого *Денисова О.*

© 1990 г.

БЕЛИЧОВА Е.

О ТЕОРИИ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГРАММАТИКИ

Вслед за завершением системно-функционального описания русского языка в виде монументальной академической Русской грамматики под ред. Н. Ю. Шведовой (М., 1980) и этапом необходимых подготовительных работ, заключавшихся в первую очередь в выяснении перспектив функционально-семантического подхода к описанию языка, т. е. оптимальных методов и возможностей фактического их применения, перед нами пред-

стает новое, широко задуманное системное описание категорий функциональной грамматики. В недавно вышедшей коллективной монографии по этой проблематике поставлена исключительно трудоемкая, но несомненно заслуживающая признания задача — предпринять в последующих выпусках описание фактов современного русского языка (в некоторых разделах — в сопоставлении с другими языками) не на основе отдельных уровней со свойственным им системным упорядочением, а на основе анализа функционально-семантических полей (ФСП), пересекающих разные уровни. Описание базируется на некоторых содержательных категориях общего характера, раскрываемых в их частных значениях и связанных с ними языковых средствах. Эти категории находят отражение на разных уровнях, в рамках которых выражение данного содержания занимает неодинаковое положение с точки зрения системной упорядоченности языковых средств. Частные значения, базирующиеся на определенной категории, соприкасаются с другими частными значениями, связанными с другими содержательными категориями.

Безусловно, трудно провести границы между отдельными ФСП за пределами их собственного центра, со свойственными ему примарными средствами, специализированными для выражения данного содержания. Языковые средства, отражающие закрепленные за ними первичные (парадигматические) значения, выполняют, как правило, также вторичные функции. Таким образом, различаются функции центральные и периферийные, причем степень центральности/периферийности у них неодинакова. Вследствие этого средства и обслуживаемые ими области, оказывающиеся не центральными в рамках двух (или более) ФСП, можно интерпретировать по-разному.

В известной степени неопределенность границ между ФСП находит отражение также в запланированном содержании подготавливаемых к печати монографий, назначением которых является системное описание фактов русского языка на основе ФСП. В частности, в настоящем томе содержится описание актуальности, временной локализованности и таксиса, тогда как темпоральность вместе с модальностью и бытийностью должна войти во второй том. Для включения того или иного ФСП в тот или иной том серии монографий решающее значение с точки зрения авторов имеет характер центра (центров) ФСП и его упорядочение. Совершенно очевидно, что если речь идет о функциональной грамматике, то описание ФСП не может пройти мимо грамматического ядра отдельных ФСП, в первую очередь морфологического, вследствие флективного характера русского языка. Это свойство, несомненно, отразилось в том, что в одном и том же томе предполагается объединить описание ФСП темпоральности и ФСП модальности, так как можно постулировать наличие в русском языке комплексной категории времени и наклонения. Возможность реализации временных значений регулируется (блокируется) наличием того или иного члена категории наклонения. Комплекс проблем, связанных с временной локализованностью, объединен в одном томе с актуальностью и таксисом, который также представляет собой область, тесно связанную с темпоральностью. Из сказанного вытекает, что темпоральность как одно из основных ФСП на самом деле не будет представлена как иерархически упорядоченное целое, так как проблематика ФСП темпоральности, не затрагивающая отношения темпорально-модальные, так или иначе подчинена анализу ФСП актуальности, т. е. описанию функционирования форм совершенного/несовершенного видов (СВ, НСВ). Но ФСП темпоральности следовало бы представить как темпо-

ральную локализацию в самом широком смысле слова, центром которой является локализация по отношению к моменту речи, в русском языке обязательная в рамках индикатива и блокированная в рамках кондиционала (в других славянских языках, например, в чешском или словацком, с этой точки зрения дифференцирована также область кондиционала, хотя в этой области противопоставление времен отчасти факультативно), но тем не менее имплицитированная в контексте. На это ядро наслаивается темпоральная локализация в виде упорядоченности внутренне темпорально локализованных предикатов, т. е. упорядоченности на временной оси как разновидностей содержания, наличие которых параллельно/не параллельно, причем указанную упорядоченность можно оформить еще как локализацию в собственном смысле слова, т. е. как обрамление так или иначе темпорально локализованного содержания другим темпорально локализованным содержанием в виде придаточных предложений времени. Они эксплицитно сигнализируют темпоральную локализацию посредством соединительного средства, одновременно указывающего на снятие первичной функции придаточного предложения. В случае других разновидностей придаточных предложений (например, каузальных) темпоральная локализация в указанном смысле слова не представлена, хотя временная упорядоченность может быть для данного отношения релевантной, т. е. она подразумевается (например, в случае каузальной связи — см. с. 277). Сюда же относится также область номинализированных конструкций, сближающихся по своему функционированию с обстоятельствами времени — внешней локализацией в собственном смысле слова, например, *в бытность мою учителем/в субботу*. Соотношение частной системы локализации в виде придаточных предложений времени и локализации в виде обстоятельства времени ждет в этой связи своего описания.

Понятия «функциональная грамматика», «функциональное описание языка» и т. п., конечно, не являются в языкознании новыми и в рамках отдельных языковых/национальных обществ имеют свою традицию, так или иначе сказывающуюся на подходе к комплексному описанию языка. Но независимо от различий в национальной традиции, в функционально ориентированном описании (в явном виде, например, при сопоставительном изучении языков) находят отражение методологические приемы, основывающиеся на различении первичных/вторичных функций языковых средств, равно как и первичного/вторичного характера средств, закрепленных за отдельными коммуникативными задачами. Сочетание первичных/вторичных функций средств с первичной/вторичной реализацией функций в наиболее отчетливой форме сказывается при описании синтаксического уровня, в рамках которого реализуются также первичные/вторичные функции лексических средств. Нередко отдельные синтаксические категории и значения соотносятся с рядом лексических средств и синтаксических конструкций, находящихся в отношении синонимии (см., например, описания побудительных предложений, а также разновидностей обстоятельственных значений). Тем не менее в существующих исследованиях не всегда в должной мере учитываются функциональные различия между «синонимичными» средствами (независимо от того, связаны ли эти различия с семантической спецификацией отдельных средств или же с ограничениями формального характера, накладываемыми на употребление средств). В рамках морфологического уровня функциональный подход проявляется обычно лишь в регистрации и характеристике первичных и вторичных функций членов морфологических парадигм, в то время как подход от функций к средствам применения не находит.

Авторы рассматриваемой монографии избрали другой подход. Анализ избранных ими ФСП учитывает все достижения «традиционной» функциональной грамматики, однако он является более глубоким, отчасти благодаря возможностям, предоставляемым авторам формой монографического описания частной проблематики, а не ограниченного объема комплексного представления основывающейся на понятии ФСП грамматики как целого. Изложение отдельных теоретических проблем в данном случае является подробным, с использованием богатого материала текстов XX и XIX вв. Анализ учитывает все релевантные для данного ФСП аспекты. Показателен в этом отношении анализ ФСП аспектуальности, представленной в монографии как комплекс ФСП, связанных категориальным признаком «характер протекания и распределения действия во времени», т. е. ФСП лимитативности, длительности, кратности, фазовости и перфектности. При их анализе учитывается также их связь с ФСП акциональности, статальности и реляционности, т. е. с основной семантической классификацией глагольных предикатов. Анализируются отношения между ФСП в рамках данной группировки, как более тесные, так и более отдаленные. Выгоднее было бы в данном случае работать с сочетаемостью/несочетаемостью семантических признаков, характерных для разных ФСП (см. с. 43).

Не будем подробно анализировать все содержание монографии, а ограничимся лишь отдельными соображениями. Они возможны отчасти потому, что авторы старались в ходе анализа установить максимально точные условия функционирования отдельных лексических средств, что, конечно, в ряде случаев затруднительно ввиду известной потенциальности, связанной с различиями между тем или другим идиолектом/идиолектами и, таким образом, с некоторой субъективностью интерпретации, которая иногда может иметь лишь относительный характер. Некоторой субъективности не лишены и наши заметки.

В рамках аспектуальности максимальное внимание концентрируется на описании ФСП лимитативности и на анализе семантики предела: внутреннего/внешнего, реального/потенциального, эксплицитного/имплицитного, абсолютного/относительного. Ограниченность/неограниченность действия пределом, направленности действия на предел (результат)/его достижение и другие лимитативные отношения описаны всесторонне, но хотелось бы отметить относительный характер некоторых формулировок. Например, утверждается, что в случае, преднамеренного действия достигнутый результат становится характеристикой того объекта, на который направлено действие, в то время как в случае непреднамеренного действия его результат характеризует субъект указанного действия (с. 58). Однако если речь идет о транзитивных глаголах, непреднамеренный характер действия которых нельзя исключить, результат может затрагивать объект действия, см.: *испачкать что чем, облить кого чем, замарать что и т. п.* (непреднамеренно), т. е. «вызвать факт, что объект X перешел из состояния P в состояние Q».

Основополагающее значение для ФСП аспектуальности имеет проблематика ограниченности/неограниченности действия пределом и направленности/отсутствия направленности действия на предел. Внутренняя дифференциация указанных отношений в рамках ФСП лимитативности закреплена в первую очередь за способами действия (СД). Учитывается также характер самого предела, представленного, например, как общее завершение действия в виде результата или же с указанием различных аспектов результативности в виде количественной, качественной, фазовой

или другой модификации, принимаются во внимание и различия между глаголами, связанные с отсутствием направленности на предел.

Можно согласиться с авторами, что любой глагол СВ является предельным, в то время как среди глаголов НСВ к предельным можно отнести лишь те, которые образуют видовые пары с глаголами СВ. Остальные глаголы НСВ являются в основном непредельными. Среди «видовых» языков (в частности — языков славянских) здесь налицо значительные расхождения. К сожалению, они остались в монографии незатронутыми, хотя, например, ФСП таксиса описано на фоне подробного сопоставления с указанным ФСП в нивхском языке. Дело в первую очередь в том, как широко представлено в том или ином языке образование видовых пар, в частности, вторичных глаголов НСВ, соотносенных с глаголами СВ, что в свою очередь вызвано широтой контекстов, где можно/нельзя употребить глаголы СВ. См., например, парадигматически регулярное образование вторичных глаголов НСВ в болгарском языке (в отличие, например, от чешского, для которого характерны ограничения, накладываемые на образование вторичных глаголов НСВ). Русский язык во многих отношениях близок к болгарскому. Активизация вторичных глаголов НСВ вызвана отчасти запретом на употребление глаголов СВ при обозначении узуальных действий. Но давление, оказываемое на употребление глаголов НСВ, не настолько сильно, чтобы сделать употребление глаголов НСВ в таких контекстах единственно возможным, по крайней мере в сфере форм настоящего времени. В чешском языке, как известно, формы СВ используются свободно и периферийны скорее вторичные глаголы НСВ (часто чешский язык в таких случаях довольствуется первичными глаголами НСВ, абсолютно беспризнаковыми с точки зрения «предельного» характера). И русский язык не избегает употребления глаголов СВ, если узуальность сигнализируется эксплицитно каким-либо лексическим средством и демонстрируется на наглядном примере в виде последовательности действий. Зато жесткие ограничения связаны в русском, как и в болгарском (но не в чешском) с контекстом настоящего исторического или же драматического (сценического, репортажного и т. п.), т. е. с представлением последовательности действий в процессе их реализации. В то время как в одних славянских языках при обозначении единичных действий в контексте настоящего исторического/сценического формы СВ вполне нормальны, т. е. действия могут быть представлены в их завершенности, русский и болгарский языки в данных условиях не допускают формы настоящего времени СВ (исключения вроде *Как закричит!* периферийны).

С указанными ограничениями связана активизация вторичных глаголов НСВ. В приводимом ниже примере мы имеем дело с эксплицитным выражением действий в процессе их реализации, и таким образом можно представить любое однократное действие, т. е. можно выдвинуть на передний план именно процесс реализации: *X отбивает у Y мяч, подбрасывает его Z и тот метким ударом забивает гол в ворота противника*. Указанное представление моментальных действий протекающими на глазах у автора при помощи вторичных глаголов НСВ переносится в область узуальных действий, становясь разновидностью стилизации в виде наглядной процессуальности, с указанием направленности действий на достижение их границы. В ряде случаев там, где в монографии у вторичных глаголов НСВ отмечается только узуальное значение, следовало бы отметить также употребление в рамках настоящего сценического и т. п. См., например, тотальный СД глаголов *избить/избивать* (с. 77), чрезмерно норма-

тивный СД глаголов *переплатить/переплачивать, пересолить/пересаливать* (с. 78) и др.

Признаки, оказывающие влияние на одновидовость предельных глаголов, не имеют абсолютного характера. Если глагол *поскользнуться* отнесен к одновидовым на основании того, что выражает непредвиденность наступления результата действия (с. 72), то такое же непредвиденное наступление предела выражает глагол *стоткнуться*, отнесенный к результативно-тотивному способу действий (СД), тем не менее это не сказывается отрицательно на образовании глагола НСВ *стоткаться*, то же относится и к другим глаголам указанного СД (с. 74). Очевидно также, что границы между отдельными СД иногда не совсем четки. Ср. результативно-тотивное значение глаголов *прийти/приходить* и процессуально-результативное значение глаголов *возвратиться/возвращаться*, а также зыбкие границы между тотальным (приставка *вы-*, с. 77) и качественно-результативным СД (приставка *вы-*, с. 78), между чрезмерно-продолжительным (*за-*) или же чрезмерно-нормативным СД (*пере-*, с. 78) и чрезмерно-длительным (*за-*) и сверхнормативно-длительным СД (*пере-*, с. 81). Можно выразить сомнение по поводу того, характерно ли для глаголов типа *засидеться, заиграться, замечтаться* и т. п. «чрезмерное проявление длительности или интенсивности» (с. 81). В подобных случаях на передний план скорее всего выступает такое «углубление» в действии, которое препятствует своевременному его завершению (см. *заболтаться с кем*, т. е. «провести некоторое время за лишним разговором»). Среди специально-результативных СД недостает вторичных глаголов НСВ: *наварить — наваривать, надбить — надаивать, настричь — настригать, наестся — наедаться* и т. п. (кумулятивный СД *накосить, настирать, наделать* и т. п. отнесен на с. 75 к одновидовым).

Функционирование видов тесно связано с ФСД длительности, выступающей в разновидностях: длительности протяженной, замкнутой (результативной) и длительности сохранения результата, во взаимодействии с темпоральностью и количественностью. Отдельные СД в той или иной мере обусловлены длительностью, т. е. они ее выражают (эксплицитно/имплицитно) или же исключают. В случае эксплицитной длительности целесообразно учитывать, какие семантические признаки доминируют. Например, при делимитативном СД эксплицитный характер имеет не длительность (с. 105), а скорее количественность в собственном смысле слова: *пройтись, вздремнуть, передохнуть* можно *часа два*, но также *немного, чуточку* и т. п. Даже в случаях типа *погулять, поголодать* и т. п. длительность лишь имплицитно, хотя можно указать ее меру: ср. *гулять/погулять часа два* и *гулять/ *погулять весь день. Часа два* при СВ оказывается в одном парадигматическом ряду с *едоволь, немного*, в то время как в сочетании с НСВ *часа два* входит в парадигматический ряд с *весь день* и т. п. Можно задаться вопросом, следует ли различие в сочетаемости и в парадигматических связях отмеченных обстоятельств интерпретировать так, что при НСВ в обстоятельстве актуализируется признак динамичности, в то время как в сочетании с СВ перед нами лишь статическая разновидность протяженной длительности (с. 113). Разновидностью процессуально-динамического обстоятельства в русском языке можно считать *в течение чего*, но также и *за два года* и т. п. — не значит ли это, что ограниченный таким образом отрезок времени целиком заполнен действием?

Нет сомнения, что обстоятельства, связанные с выражением длительности сохранения результата, т. е. *на неделю, надолго* и т. п., сочетаются главным образом с глаголами СВ, в то время как глаголы НСВ выступают

там, где речь идет о действиях узуальных, где представлено настоящее историческое, сценическое и т. п. Но есть и контексты типа *Завтра я уезжаю на два месяца в Москву; Совещание прерывается на 15 минут; Приглашаю тебя на завтра на дачу* и др., а также *На следующий день он на целый месяц отправлялся в горы* и т. п. Отчасти мы имеем дело с глаголами НСВ в контексте, указывающем на перспективный характер действия, отчасти же в контексте с перформативным употреблением НСВ.

Можно согласиться с тем, что обстоятельства времени выражают различную темпоральность, например, *три дня/третий день*. Разница между *три дня* и *третий день* заключается не в их темпоральной (не)характеризованности (с. 116), а в подчеркнутой процессуальной динамичности и в импликации не достигнутого (но ожидаемого) предела, ср.: *Три дня ревели буря* и *Третий день редела буря*. Это различие четко представлено в сфере прошедшего времени, в то время как в настоящем времени оно снято: *Три дня его жду/Третий день его жду*. Отсутствие ожидаемого достижения предела акцентирует наличие частицы *уже*: *Уже три дня его жду* (см. сочетание *уже* с перфектом в случае *Форточка открыта уже очень долго*, с. 199). Славянские языки, по-видимому, отличаются друг от друга шириной употребления признакового типа *третий день* и неспецифицированного *три дня*. Ср. в чешском: *Už tři dny ho čekám/uz třetí den ho čekám* с господствующим *tři dny* и периферийным *třetí den*. По-видимому, аналогично положение в болгарском и в сербохорватском.

К темпорально характеризованным обстоятельствам длительности следовало бы отнести разновидность *всю субботу — весь день, весь январь — весь месяц*. В отличие от обстоятельств *весь день, весь месяц* и т. п., связанных лишь с указанием на продолжительность, и в отличие от обстоятельств *в субботу, в январе* и т. п., связанных лишь с указанием на время, обстоятельства *всю субботу* или же *весь январь, весь прошлый год* и т. п. содержат оба значения: *всю субботу* = «в субботу, причем весь день»/ «весь день, причем в субботу». См. подобное же комплексное значение сочетаний *за субботу, на субботу* и т. п.

Подробно проанализировано в монографии ФСП кратности. Интересно, что областью, в рамках которой славянские языки четко дифференцируются, является область итеративной кратности (неоднократности), в то время как, например, область мультипликативной неоднократности с этой точки зрения не дифференцируется, а область дистрибутивной неоднократности связана в основном с различиями в приставках (русск. *по/пере-*, чеш. *po-*). В рамках дистрибутивной неоднократности было бы целесообразно различать дистрибутивность эксплицитную (*перемыть всю посуду, повытаскивать все вещи* и т. п.) от дистрибутивности, имплицитруемой в контексте (*разлететься. слететься* и т. п.), когда на передний план выступают другие значения приставок.

Среди обстоятельств неоднократности можно разграничивать такие разновидности, как «сколько раз», «в который раз» и «как часто». Разновидность *второй (третий...)* раз указывает на конкретное/единичное действие и его место в последовательности других действий сходного характера, в то время как *два (три...)* раза указывает не на конкретное действие, а на множество однородных действий и неоднократность здесь суммирована. Разновидность «в который раз» не исключает актуальное настоящее НСВ, т. е. наблюдаемость действия в процессе его реализации, в отличие от разновидности «сколько раз».

Кратность как внутреннее свойство действия и кратность как свойство ситуации существенным образом отличаются друг от друга и свободно со-

четаются друг с другом. В примере *Алексей и Николая ... время от времени вскрикивали «ну-ну»* (с. 138) мы имеем дело не с «многоактным глаголом», а с повторяющейся ситуацией (ср. в чеш. обычное *Občas vykřikli* и т. п.).

Установить контекстуальные запреты, например, на сочетание обстоятельства длительности с дистрибутивными глаголами, несомненно, очень трудно. Тот факт, что существует возможность сочетания *За короткое время/за час/ за неделю лисица перетаскала соседских цыплят*, но вряд ли возможно *За длительное время лисица перетаскала всех цыплят* (с. 139). свидетельствует о том, что здесь налицо некоторые пресуппозиции, с которыми нужно считаться. Приведенный выше пример становится приемлемым, как только добавляется частица *только/лишь* (*Только за длительное время лисица перетаскала всех цыплят* — по видимому, цыплят было очень много) или же модифицируется объект (*За длительное время лисица перетаскала всего половину цыплят*)

Трудно согласиться с тем, что «... в принципе индивидуальных представителей совокупного плана/сирконстанта должно быть не меньше трех» (с. 142), так как молно сказать *Я сразу увидел все три самолета*, но не *все два самолета*. Дистрибутивные глаголы в собственном смысле слова сочетаются, по-видимому, только с указанием на полный охват всего множества, но без указания точного количества: можно *перечитать все книги в библиотеке*, но если речь идет о количестве 10 книг, то сочетается *все десять книг* связано, как правило, с *прочитать*. В этом контексте *все десять (все три ...)* входит в парадигматический ряд не с *все два/две*, а с *оба/обе*, т. е. *оба/обе* «все два/две», а сочетания *три* и выше передают указанное значение аналитически, при помощи *все*.

Итеративная (дискретная) неоднократность связана с политемпоральностью, но не с тождественностью актантов (с. 144, 152) — этот признак является для итеративных глаголов нерелевантным: *Мальчик каждое лето ездит к бабушке* не исключает, что он ездит поочередно к двум бабушкам. В случае *Я каждое лето провожу на море море* представляет не определенное более точно множество, частей которого касаются отдельные конкретные, индивидуализированные ситуации. Не исключено, конечно, что актанты/сирконстанты некоторых ситуаций тождественны.

Важную роль в выражении итеративного значения играют обстоятельства, входящие в ФСП кратности. В монографии выделяются обстоятельства цикличности (*Я вставал в четыре часа утра...; В этом каюте Елена ездила в театр вечером*), обстоятельства интервала (*иногда, часто*) и обстоятельства usualности (*обыкновенно, всегда*). С точки зрения сигнализации неоднократности обстоятельства типа *в четыре часа, вечером* и т. п. являются абсолютно беспризнаковыми, данный признак для них нерелевантен. Зато он выступает на передний план в случаях типа *по вечерам, вечерами, по субботам* и т. п. Противопоставление *вечером — вечерами/по вечерам*, характерное для русского языка в отличие, например, от чешского, в некоторой степени возмещает отсутствие в русском языке продуктивно-го СД, представленного в глаголах *сигнать, хаживать*.

Детально описано в монографии ФСП фазовости. Следует уточнить, что не только *переставать* и *продолжать* могут быть интерпретированы посредством глагола *начинать* как более элементарного (*переставать* = «начинать не», *продолжать* = «не начинать не», с. 153), но также и *начинать* можно интерпретировать посредством *переставать* или же *продолжать*, т. е. *начинать* и *переставать* образуют диалектическое единство: *переставать* = «начинать не», *начинать* = «переставать не». Логической импликацией *начинать* является отсутствие ситуации, завершение (не-

переход к завершению) которой связано с *начинать*, в то время как *переставать* подразумевает наличие ситуации, предел (достижение предела) которой сигнализирует *переставать*. С этой точки зрения *продолжать* равно как «не начинать не», так и «не переставать».

Интересны наблюдения над синтаксическими запретами-ограничениями, накладываемыми на фазовые глаголы с начинательным значением, например, редкое употребление императива глаголов с *за-* (с. 159). Повидимому, такого же рода ограничения связаны с употреблением начинательных глаголов с *по-*. Объяснить это явление можно, если учесть, что императив НСВ имплицитно подразумевает переход от «переставать не-Х → начинать Х» — особое указание на начало действия оказывается избыточным. Конфикс *раз — ся*, связываемый с интенсивностью, превышающей норму (с. 161), скорее указывает на переход в состояние, связанное с достижением такой степени интенсивности данного действия, которая для него характерна.

Сложный вопрос представляют собой контекстуальные значения *стану* + инф., т. е. осложнение начинательного значения значениями модальными в случае негации или же утрата начинательного значения. Так, в высказывании *Цымбал достал... плитку шоколада..., подал девушке. Она не стала отказать ся, отломала две дольки...* (с. 166) «модальность» значения заключается в несовпадении ожидания («станет отказываться/откажется») с действительностью (*не стала отказываться, наряду с возможным не отказалась*). Такое же несовпадение налицо в случае значения «перестать»: *Семенов не стал более разговаривать. Несчастный отошел в сторону* (с. 178) — ожидание: «станет еще/ снова разговаривать». Ср. в чешском в обоих случаях простой глагол с отрицательной частицей: *Divka neodmítla, Semen ov už/|víc nic neříká*.

Весьма затруднительно в целом ряде случаев установить точные условия употребления той или другой формы, ее сочетаемости с лексическими средствами. Можно, например, согласиться с тем, что при выражении статально-перфектного значения наблюдается следующая закономерность: причастия страдательного залога типа *закрыт, уволен, построен* и т. п. сочетаются с обстоятельствами временной протяженности (*целую ночь, два дня, долго* и т. п.) в тех случаях, когда они обозначают преходящие, легко сменяемые состояния, но если состояние необратимо, то такая сочетаемость исключена: **Он убит два дня, а следствие еще не началось* (с. 199). Вместе с тем вопрос кажется еще более сложным. Например, чешски можно сказать *Už dva dny je/máme prase zabité, a hosté, nejdou* «Два дня уже у нас кабан зарезан, а гостей все нет», но не *Už dva dny je N zabité a vyšetřování ještě nezačalo*, т. е. *zabitý (utopený, zastře lený...)*, соотношенное с человеком, в статальном значении не употребляется, за исключением контекстов, где констатируется просто смерть в результате какого-либо действия. См. возможное *Už dlouho je kniha napsaná, stať odeslaná do redakce* и т. п. В русском языке в данном случае эквивалентом чешского *dlouho* является *давно*: *Давно уже книга написана* и т. п. Аналогично соотношение чеш. *Už dva dny je kniha napsaná* и русск. *Уже два дня как книга написана*.

Можно указать на относительный характер формулировки о том, что в рамках ФСП временной локализованности СВ «обнаруживает тенденцию к сочетаемости преимущественно с признаком Л», особенно в формах прошедшего времени: **Он часто ошибся* (с. 227) — ср. свободное употребление СВ в западнославянских языках, за исключением польского. Гла-

голы со значением мультипликативной неоднократности, в том числе *покрикивать*, не исключают временную локализованность (с. 228) — см. характеристику мультипликативной неоднократности как монотемпоральной на с. 133 и сл. Не исключают в принципе временную локализованность глаголы вроде *ротозействовать*, *лукавить* и др. с оценочно-характеризующим значением (с. 228) — см. возможное *Не ротозействуйте и пишите!* (учитель — в школе); *Что это он вчера лукавил и...?* и т. п.

Раздел о ФСП таксиса содержит целый ряд детальных наблюдений, затрагивающих семантику и структуру ФСП, а также средства, реализующие разновидности зависимого/независимого таксиса. Главное внимание уделяется функционированию деепричастий, а также соотношению предикатов в рамках сложного предложения. В стороне остались номинализованные конструкции с отглагольными существительными, а также причастия. Встает вопрос, где проходит граница между зависимым и независимым таксисом. С морфологической точки зрения, конечно, к зависимому таксису придется отнести лишь деепричастия или же причастия, а отношения в рамках сложного предложения описывать как независимый таксис. Но зависимость/независимость действий в виде одновременности/разновременности находит эксплицитное выражение также в форме придаточных предложений временных (в отличие, например, от каузальных и т. п., лишь имплицитно указавшие отношения; в монографии они стоят в одном ряду с придаточными временными, см. с. 275 и сл.), причем для ряда языков (в том числе славянских) придаточные предложения времени, наряду с конструкциями с отглагольными существительными, являются средством основным.

Отдельные формулировки кажутся слишком категорическими — см., например, интерпретируемое в рамках разновременности *Все весело разговаривали, когда вдруг раздался выстрел* (с. 244); действие можно интерпретировать как прерванное в своем естественном протекании, но можно себе представить и продолжение: *В зал вбежал хозяин, но никто не обратил на него внимания...*, т. е. перед нами одновременность, аналогичная, например, *Гуляли мы по лесу, когда вдруг она спросила*, т. е. «когда (вдруг) она спросила, мы как раз гуляли по лесу», а также «когда раздался выстрел, все как раз весело разговаривали» и т. п. На фоне не завершенного пределом действия реализуется предельное — однократное — действие. См. на с. 276 отмеченную в рамках таксиса «одновременность процесса и целостного факта», например, *Он спокойно выздоравливал, когда неожиданно позвонили из больницы и сказали...*

В некотором уточнении нуждается понятие временной обусловленности в рамках таксисных ситуаций, включающих элементы семантики обусловленности (с. 267 и сл.). Речь идет об «обусловленности объективного времени совершения основного действия временем осуществления второстепенного» (там же). Такое соотношение можно обнаружить в случае *Рассматривая могилы на кладбище, натолкнулся я на почерневшую урну*, т. е. тот факт, что я натолкнулся на урну, объективно связан с рассматриванием могил, но связь между действиями в высказываниях *Будучи учеником восьмого класса, я написал статью; Любовь я предчувствовал еще зимой, выйдя из скарлатины; Засыпая, Сваагер думал о неожиданном появлении книжки* и т. п. лишена объективного основания, точно так же, как в высказывании *Я постоял некоторое время на дороге, смутно предаваясь чувству...*, отнесенном к таксисным ситуациям без семантики обусловленности (см. с. 258 и сл.), равно как и *Производя в уме сложное арифметическое действие, я вычислил...* (с. 260), где, наобо-

фот, можно было бы говорить о временной обусловленности. Дело, по-видимому, в том, что в тех случаях, когда на передний план выступают временные связи в собственном смысле слова, «обусловленность» не является для данных отношений релевантной, хотя ее импликация в том или другом случае не исключена, т. е. на переднем плане в данном случае находится лишь временная локализованность одного действия посредством другого. Эксплицитный характер она имеет только там, где можно говорить о внутренней зависимости, т. е. о каузальности в широком смысле.

Можно уточнить наблюдение, что в случае сложносочиненных предложений с противительными союзами типа *но, а, же* значение следования действий во времени блокируется (с. 280) — ср. возможное *Я ему предложил зайти туда, а/но он отказался; Я же напоминал тебе об этом, а/но ты забыл* и т. п.

В свете сказанного представляется, что монография является не только началом очень тонкого описания русского языка, но способна также стать надежной основой для сопоставительного изучения языков, в том числе славянских, на материале которых теория ФСП получила бы, несомненно, плодотворное применение и принципиально обогатила бы наши представления о сходстве и дифференциации их систем.